

КАКОВА МЕРА СМИРЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА?

Ответы на вопросы открытых встреч

Вопрос: Какова мера страдания человека, чтобы смириться с чем-либо? Как соотносить страдание со смирением? И каково тут участие веры? У каждого человека своя мера старания?

Свящ. Георгий Кочетков: Страдание связано не только со смирением. Не случайно Бердяев говорил, что мера страдания — это мера свободы. Чтобы быть свободными, мы должны уметь ограничить себя. Мы должны брать на себя свой крест и следовать за Христом, а если мы этого не делаем, если мы боимся страданий, то мы очень плохие или только начинающие христианскую жизнь христиане. Поэтому нам, конечно, нужно понимать, что есть возвышающие человека страдания, которые очищают его, как золото очищают огнем. Но бывают страдания другого рода. Если это страдания не ради Христа, если они бессмысленны, если они не связаны с верой, то они разлагают, унижают, убивают человека, его дух, душу и тело.

Если мы сталкиваемся со страданиями и видим в этом следствие своей греховности, то это бывает для человека спасительно. Если человек может вмести и такие страдания и такое смирение, пусть вмести, и чем больше будет этого смирения, тем лучше. Смирение человеку нужно всегда. Но нельзя смирать других, причиняя им страдания — этот ход для нас, христиан, всегда запрещен. Мы можем смирать лишь себя — смиряться, когда мы встречаемся с вещами, противоречащими триумфалистическим настроениям нашего ума, нашей внешней жизни, нашего сердца.

Мы никогда не должны радоваться чужим страданиям, мы никогда не должны поддерживать страдания в ближних наших, но мы должны смиренно принимать собственные страдания. Это не значит, что не надо бороться со злом, которое эти страдания вызывает (ведь страдания и болезни — всегда следствие воздействия зла или греха на нас). Таким образом, вопрос о страданиях является непростым. И мы должны быть здесь очень внимательны и осторожны.

Вопрос: Смирение — что это такое? Качество характера, чувство, эмоция?

Свящ. Георгий Кочетков: Ни то, ни другое, ни третье. Смирение — это духовное качество. Хотя духовное качество может выражаться и в качестве характера, и в чувстве, и в эмоции.

Смирение — это умение духовно познать меру себе и всему своему. Это значит сохранить в себе внутренний мир — а мы чаще всего нарушаем внутренний мир, свой и других людей, потому что не знаем меры ни в чем, ни в себе, ни в своем. И в этом смысл познания смирения как духовного качества жизни.

Христос говорит: «Придите ко Мне все утружденные и обремененные, и Я успокою вас. Возьмите иго Мое на себя и научитесь от Меня, ибо Я кроток и смирен сердцем, и найдете покой вашим душам». Так что человек, который знает себе меру, который хранит внутренний мир, находит покой в своей душе, даже если эти рамки и противоречат его прежним представлениям о себе, о своем призвании, обо всем своем.

Христос умывает ноги своим ученикам. Альбрехт Дюрер

Вопрос: А меру смирения кто определяет? С кем себя соотносить, кому подражать?

Свящ. Георгий Кочетков: Христос и определяет, что такое смирение. В Нем показан нам пример для подражания. Но мера смирения, мера меры — это вопрос уже другой. Наверное, человек может и должен всю жизнь двигаться по пути смирения, так же как по пути преодоления гордыни. Ведь чаще всего отсутствие смирения есть прямой путь к возвышению гордости, а значит, и унижения в человеке. Поэтому мера смирения только в одном — вместишь столько, сколько ты это можешь сейчас реально, т.е. исполнять слова апостола Павла: кто до чего достиг, по тому правилу должен и мыслить и жить.

Вопрос: В православном христианстве рождение свыше и водное крещение — это одно? Одно из них производит священник, а рождение свыше в какой момент происходит?

Свящ. Георгий Кочетков: Это вопрос сложный. Рождение свыше — это мистический акт, и когда оно происходит,

сказать бывает не очень просто. Водное крещение — это обряд, который должен ознаменовать призвание человека к возрождению во Христе, очищению от грехов, открытости к Дару Святого Духа, к общению в Церкви, общению со всем народом Божиим. Но когда человек рождается свыше, это другое. Наверное, это происходит тогда, когда человек будет готов отдать Богу все свое сердце, когда он будет готов посвятить себя Богу, посвятить себя Христу, посвятить себя служению духовному везде, где бы он ни находился.

Вопрос: Дает ли рождение свыше гарантию, что человек обретет свой дар?

Свящ. Георгий Кочетков: Конечно, всякий человек, рождающийся свыше, т.е. от Бога, возрождающийся в Духе Божьем, обновляющийся, спасающийся, исцеляющийся Духом Божиим, каждый такой человек обретает новые дары. Сердце его открывается, оно расширяется для принятия дара любви Божьей и даров Святого Духа. И пусть эти дары будут основанием для служения.

Вопрос: Как еще можно служить Богу, кроме профессиональной деятельности?

Свящ. Георгий Кочетков: Служить Богу можно и нужно теми дарами Духа Святого, которые получает человек. У каждого человека есть свои особенности в этих дарах, есть как бы свои дары, хотя все они взаимосвязаны, все от одного Духа Святого. Служить нужно каждым даром, как говорит апостол: каждый служи тем даром, который получил.

Служить Богу можно и нужно всеми дарами. А какие есть дары — об этом хорошо говорит нам Священное писание, особенно Новый завет: это может быть и вера, это может быть и знание, это может быть и толкование, мудрость, милосердие, управление, это может быть сила слова, свидетельства. Конечно, могут быть и другие дары, это надо смотреть уже по человеку. Поэтому нельзя сводить все дары Духа лишь к одному дару, тем более профессионализировать его. Вообще говоря, служение не может быть профессией. Священник, который думает, что его жизнь — только профессиональная деятельность, это ремесленник, причем не очень хороший ремесленник.

Профессиональная деятельность — это вещь объективированная, может быть общественно, социально полезная, культурно значимая, но это еще не служение. Можно быть прекрасным профессионалом, но даже не зная, что такое дар Духа и что такое служение Богу и ближнему, служение Церкви, служение обновлению в Духе и Истине.

Поэтому служить можно чем угодно — всем, что соответствует дарам Духа Святого.

Вопрос: Что это вообще значит — служить, быть слугой?

Свящ. Георгий Кочетков: Это значит помогать в деле Божьем, это значит осуществлять свое призвание, это значит на каждый дар приносить прибыль, т.е. способствовать движению вперед, умножению добра, любви, красоты, свободы, истины, блага в сердце своем и всех окружающих тебя, особенно в Церкви, а по силам, по возможностям — и во всем мире. Есть люди, которые могут служить одному человеку или нескольким, есть люди, которые могут служить всему миру своим примером, своим словом, своим делом, всей своей жизнью. Это уже кому как дано.

Вопрос: Что может быть у нас самое дорогое и любимое, что мы можем принести Богу, ведь Бог — самое дорогое и любимое?

Свящ. Георгий Кочетков: Конечно. Значит, и все, что от Бога. Значит, и нужно Богу возвращать то, что Ему принадлежит, то, что оторвано от Него нашими грехами, злом, в котором мир лежит, всем тем несовершенством, которое еще пропитывает незавершенное Божье творение. Творение продолжается, мы призваны к тому, чтоб все, что оторвано от Бога, к Богу вернулось. Будет ли это наш дух, будет ли это красота этого мира, будет ли это доброта, справедливость, любовь, в чем бы эти вещи ни проявлялись.

ЛЮБВИ С КУЛАКАМИ НЕ БЫВАЕТ

Страшная гибель семьи священника из Тверской области не могла оставить равнодушным никого из узависших о ней.

Напомним, пожар в селе Прямухино произошел в ночь на 2 декабря в доме священника Андрея Николаева, его жены Оксаны. Погибли также их дети: 9-летний Давид, 7-летняя Анна и 4-летняя Анастасия.

По мнению прокуратуры, всему причиной - поджог. По ряду данных, у священника были недружелюбные отношения с некоторыми жителями деревни. Кроме того, ранее сообщалось, что дом был облит бензином, а входная дверь закрыта снаружи. Уголовное дело возбуждено по статье 105 УК (убийство).

«Детскую шалость или неосторожность в обращении с огнем правоохранительные органы отвергли сразу. В доме никто не курил, спиртные напитки не употребляли, дети без присмотра никогда не оставались. Все газовое и электротехническое оборудование также находилось в полном порядке. В качестве одной из возможных причин трагедии сейчас отработывается версия поджога», - заявил представитель Совбеза области.

Тем не менее, в понедельник появились сообщения и о другой версии: короткое замыкание. По словам исполняющего обязанности начальника отдела информации УВД Твери Андрея Алексеева, «причина произошедшего не установлена, этим занимается прокуратура Кувшиновского района и следственно-оперативная группа. Пока существует одна версия возникновения пожара: короткое замыкание. Но, возможно, что в ходе следствия будут выявлены и другие причины».

Как в конце октября писала газета «Известия», «пьяницы не раз покушались на иконы и церковную утварь - разговаривали в церкви и пропивали награбленное. Реальная угроза жизни висит и над самим отцом Андреем и его семьей». Тогда отец Андрей выступал и в других СМИ, призывая обратить внимание и помочь.

Как отмечалось в статье, почти все жители деревни Прямухино - алкоголики, они выменивают на спиртное даже доски и бревна от собственных домов. Некоторых прихожан отец Андрей вернул к нормальной жизни, но другим не понравилось его упорство. Пожары могли быть роковым стечением обстоятельств», - сказал протоиерей.

Между тем, священнослужители сомневаются, что это было убийство и предпочитают не выдвигать версий. Так, протоиерей Анатолий Волгин рассказал газете «Известия», что строит какие-либо предположения преждевременно. По его словам, факты поджога первого дома эксперты не подтвердили, а во втором были проблемы с отоплением. «Говорить об убийстве и тем более о его мотивах рано. Пожары могли быть роковым стечением обстоятельств», - сказал протоиерей.

По материалу, подготовленному интернет-редакцией www.gian.ru

Происшедшее комментирует о. Георгий Кочетков, ректор Свято-Филаретовского православно-христианского института:

«Убийство священника Андрея Николаева, к сожалению, вызывает у меня очень неприятное ощущение, что это не какое-то чудовищное исключение из правил, не что-то такое из ряда вон выходящее, чего никогда не было и быть не может, а то, что может угрожать не одному священнику в наше время. Это странно, быть может, звучит, потому что сейчас даже власти поднимают Православную Церковь на штат. Но здесь мы столкнулись со случаем жизни и смерти просто деревенского священника.

Андрей Николаев был просвещенным человеком. Он хорошо знал, что делал, и делал это мужественно. Когда он боролся с алкоголизмом местных жителей и когда он защищал храм от разграбления, не вступая ни в какие сговоры, не идя ни на какие компромиссы, было ясно, что он впал в противоречие с теми, кто стоит за массовым спаиванием народа. Для многих людей в нашей стране церковь - это только что-то официальное: какая-то атрибутика, какие-то странные люди в рясах с крестами, которые говорят иногда весьма странные вещи. И все. А на самом деле церковь живет другой жизнью.

Мне тоже приходилось какое-то время в конце 80-х годов служить в аналогичных условиях под Москвой, мне дали совершеннейшие развалины храма, в которых нельзя было служить. И я столкнулся с очень странным отношением к церкви со стороны местных жителей. В таких случаях приходится реагировать сразу, и очень многое зависит от решимости и мужества человека, от его четкого внутреннего различия добра и зла. Потому что очень часто мы сталкиваемся со случаями не только вне церкви, но, увы, часто и в церкви, когда у людей эти границы света и тьмы, добра и зла просто путаются или как бы отменяются, что всегда приводит к страшным последствиям. Но надо не только отличать добро и зло, надо научиться со злом бороться. Как, чем? Тем же злом?

Но любви с кулаками не бывает. Здесь надо определиться: или любовь, или кулаки. Есть разные способы борьбы со злом. Всем известно, что бороться со злом любовью - это самый высший путь борьбы. Это огромная сила. Вообще же человек может бороться со злом тремя способами: через любовь, через добро или через выбор наименьшего зла. И каждый выбирает путь, который, во-первых, ему по силам, а во-вторых, зависит от ситуации. Человек иногда попадает в ситуацию, когда вынужден выбирать наименьшее зло, хотя прекрасно понимает, что это все равно зло, пусть и меньшее. Например, когда государство сажает преступника в тюрьму, оно выбирает именно этот путь. И в церкви есть подобные средства. Конечно, церковь знает и возможность борьбы со злом с помощью добра. Как говорит

апостол Павел: «Не будь побежден злом, но побеждай зло добром». А есть и высший путь, когда молитвой, любовью, духом истины и свободы можно разогнать все тучи. Но вы же прекрасно понимаете, что не всякий человек, даже святой, и не во всякое время может иметь такую силу.

Последние 15 лет я не служу в деревенском храме, и поэтому мне трудно обо всем этом говорить. Но насколько я знаю из общения с людьми, ничего не изменилось: у приходского священника по-прежнему очень много опасностей. Есть явное зло, когда угрожают, когда хотят затоптать или очернить твое честное имя. Это бывает очень часто, тем более что в наследство от советского времени нам досталась вполне определенная атеистическая психология, когда отношение к церкви и любому священнику может оказаться слишком пренебрежительным, слишком несправедливым. Причем априори, без всякой жизненной проверки. Но мы имеем тот народ, какой имеем. Этот народ приходит в церковь, и он же смотрит на церковь иногда очень двойственным взглядом. С одной стороны, иногда слишком суеверно, слишком почтительно, почти все обожевляя, доводя до каких-то невысказанных идеалов, совершенно невыполнимых в жизни. Или, наоборот, все очерняя: если встречается с чем-то хорошим, пытается объяснить это через что-то очень плохое, но зато понятное ему.

Я с этим очень часто сталкиваюсь. Вот недавно ехал в поезде, и мы там решили тихонечко совершить молитву. Попутчики были очень положительно настроены, а вот проводница сказала, что священники могут все это делать только для выгоды себе. То есть ей даже в голову не пришло, что у людей может быть совершенно иная мотивация.

Люди приходят в церковь со своими ожиданиями и естественно судят по себе. Вот это самое страшное - судить не по Евангелию, не по образу Христа или по слову Христову, а по себе. И при этом люди обычно считают, что только так в церкви и должно быть. И если священник поступает не так, как они ожидают, то начинается обструкция, вражда, иногда очень жесткая. А если сюда добавляются еще какие-то материальные интересы, что бывает сейчас нередко, то это еще сильнее все усложняет. Все считают, что если они чуть-чуть чем-то помогут церкви, то церковь должна работать на них, повышая рейтинг каждого своего «спонсора». Или как-то иначе, используя свой церковный авторитет, помогать каким-то меркантильным делам своих «благодетелей». А церковь живет и трудится не для этого, у нее есть свое призвание в мире, в народе, в культуре и в истории. Это надо всем нам понять и признать, и тогда будет меньше тех дикостей, с которыми мы сталкиваемся в нашей стране до сего дня».

Комментарий опубликован в газете «РОССИЯ» № 46 (998), 7-13 декабря 2006 г.

ДЕТСКАЯ ВЕРА ОРХАНА ПАМУКА

10 декабря в Стокгольме состоится церемония вручения Нобелевской премии по литературе. В 2006 году лауреатом стал знаменитый турецкий писатель Орхан Памук, книги которого переведены почти на 50 языков.

Летом этого года Памук приехал в Москву на презентацию своей последней работы «Стамбул. Город воспоминаний», которая овеяна печалью по Османской империи.

Вообще-то Памук считается европеизированным автором, не боящимся сказать правду. Недаром турецкие националисты подавали на него в суд за слова: «Миллион армян и 30 тысяч курдов были убиты в Турции». Но восточный колорит и память о временах величия государства присутствуют в его прозе.

«Изначально книжка была задумана как исследовательская работа о Стамбуле, но потом я решил, что она будет также являться автобиографией, - рассказал на встрече с московской публикой автор. - Я прожил в одном районе Стамбула всю свою жизнь. Когда я родился, моя семья жила в доме в оттоманском стиле. А потом дом был перестроен, но семья осталась жить, просто все распределилось по квартирам. «Стамбул: город воспоминаний» - это книга о городе и о человеке, который, в конце концов, понимает, что он не будет художником. Это также философская книжка. Я пытаюсь понять, в чем заключается красота пейзажа, почему мне нравится эта улица, почему этот вид из окна, что есть красота?».

Книжка, в которой наряду с текстом большое место занимают черно-белые фотографии, безусловно, эстетская и аристократическая. Автора переполняют жалость и радость. И он свободно движется по волнам памяти.

Одна из глав «Стамбула» посвящена религии. И хотя по сравнению с общим объемом произведения она невелика (всего-то страниц пятнадцать из 500-страничного повествования), в ней немало интересных мыслей, любопытных наблюдений и признаний, вроде следующего. Когда маленький Орхан думал об Аллахе, его «мысленному взору представлялась закутанная в белый чаршаф фигура очень старой и очень почтенной жен-

щины с неопределенными чертами лица».

Родители будущего писателя не верили в Бога. Зато вся прислуга была очень религиозна. Из чего Памук сделал знаменательный вывод, что ислам - удел бедных.

При описании верующих людей автор обращает внимание читателей на суеверия, на многочисленные поверья и запреты, конструирующие их ментальность. И с горечью замечает: «Вместо того чтобы понимать религию как голос Аллаха, обращающегося к миру и к нашей совести через священные книги и пророков, мы низвели ее до набора странных, а иногда и забавных правил, которым низшие классы следуют просто в силу тягот своей жизни». Обратим в этом высказывании внимание на слово «мы»: писатель не отделяет себя от своего народа.

Вообще, все эти зарисовки «текущей» религиозности чем-то напоминают картинку, знакомые последователям разных традиций. Вот, скажем, сцена посещения юным Памуком вместе с кухаркой мечети: «В мечети было около тридцати человек. Сидя на коврах и перешептываясь в ожидании намаза, они производили впечатлительные люди, собравшихся здесь не столько для того, чтобы помолиться вместе, сколько затем, чтобы пообщаться в дружеской атмосфере и обменяться последними сплетнями». Памук не преминул побороть между верующими во время намаза, побегать по укромным уголкам мечети. И при этом никто из молящихся не остановил и не отругал его, а многие даже ласково улыбались.

Для стамбульской элиты второй половины XX столетия, как уверяет Памук, религия существовала в своеобразном глянцево-изводе. Вера на глубине богатых почти не интересовала. Зато в своей обрядовой версии, как средство самоидентификации, как набор гастрономических традиций, она была ими востребована. «Ни моя бабушка, ни дяди, ни тети, ни папа с мамой никогда не соблюдали пост и единого дня, но тем не менее в Рамазан ждали захода солнца с тем же нетерпением, что и постящиеся... Рядом со столом, за которым шла игра в покер, с большой тщательностью

накрывался еще один стол, уставленный пирожками, оливками, бутербродами с сыром и колбасой и вазочками с вареньем». Вот такие воспоминания.

Сам Памук в детстве не раз задавался вопросами вероисповедального характера и даже однажды попытался поститься. Но метафизическое беспокойство быстро ушло.

«Для меня главное в религии - чувство вины», - признается в одном месте автор. Но этот психоаналитический ход, в сущности, мало что проясняет. Ясно только, что традиционный ислам не вдохновил Памука. А ислам фундаменталистский оттолкнул его от веры и испугал. Впрочем, об этом он говорит довольно скупко: «Если я начну рассуждать о военных переворотах и политическом исламе, медленно, но верно вытесняю религию, с которой он имеет гораздо меньше общего, чем принято считать, боюсь, я нарушу тайную гармонию этой книги».

Сегодня писатель держится от религии на почтительном отдалении. «И все же, - признается он в конце главы, - я до сих пор вздрагиваю, если в людской толпе, на пароходе или на мосту вижу пожилую женщину в белом чаршафе».

Борис КОЛЫМАГИН